

¹⁰¹ Джусту М.Т. Итальянские военнопленные в СССР. 1941–1954. СПб., 2010.

¹⁰² Dähler R. Die Japanischen und die Deutschen Kriegsgefangenen in der Sowjetunion. 1945–1956. Vergleich von Erlebnisberichten. Zürich, 2007.

¹⁰³ Hoffmann Y. Stalins Vernichtungskrieg 1941–1945. München, 1996. S. 215–216; Гофман И. Сталинская война на уничтожение (1941–1945 годы). Планирование, осуществление, документы. М., 2006.

¹⁰⁴ Бивор Э. Сталинград. Смоленск, 1999. С. 422–423.

¹⁰⁵ Там же. С. 424.

¹⁰⁶ Бивор Э. Падение Берлина. 1945. М., 2004.

¹⁰⁷ См.: Ржешевский О. «...Изменить отношение к немцам как к военнопленным, так и к гражданским» // Военно-исторический журнал. 2003. № 5. С. 30–33. Рец. на кн.: Beevor A. Berlin. The Downfall 1945. L., 2002. 490 p.

© 2012 г. А. И. БОРОЗНЯК *

«ЭТО БЫЛА ПРЕСТУПНАЯ РАСОВО-ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ВОЙНА». НАЦИСТСКАЯ АГРЕССИЯ ПРОТИВ СССР В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ СОВРЕМЕННЫХ НЕМЦЕВ

22 июня навечно останется для нас всенародным Днем памяти и скорби. В ФРГ эта дата не отмечалась никогда – для немцев она слишком неудобна. Ни разу германский бундестаг не обращался к тематике нацистской агрессии против Советского Союза. Но в 2011 г., когда исполнилась 70-я годовщина начала Великой Отечественной войны, все пять партийных фракций, представленных в германском федеральном парламенте, пришли к единодушному соглашению о проведении 30 июня в рамках очередного пленарного заседания специальных слушаний, посвященных этой трагической дате. Беспрецедентным было не только решение бундестага, но и совпадение взглядов депутатов на трагедию 1941 г., на значение ее уроков для отношений современных Германии и России.

Выступивший в прениях первым В. Герхард, представляющий Свободную демократическую партию, заявил: «В начале этих дебатов по поводу 70-й годовщины нападения гитлеровской Германии на тогдашний Советский Союз необходимо отметить – и не потому, что это неизбежно, а потому, что это правда, – тот факт, что причиной всего этого ужаса был нацистский режим». Именно германской стороной была развязана «преступная расистская война на уничтожение, принесящая миллионам людей страдания, кровь и нищету». В речи социал-демократа Г. Эрлера 22 июня было названо «самой мрачной страницей германской истории». В послевоенной Западной Германии, по словам депутата, все, что было связано с «планом Барбаросса», «отторгалось или было оболгано». Понадобилось значительное время, усилия честных историков и длительные публичные дискуссии для того, чтобы опровергнуть ложные установки о «чистом вермахте» или «превентивной войне Гитлера против России». Лишь в последнее время произошло, уверен Эрлер, «настоящее чудо» – утверждение «реально существующих динамичных, позитивных германо-российских отношений».

«Ни русские, ни немцы, ни Европа не хотят войны, война должна быть изгнана из истории народов», – эти слова депутата В. Герке, представляющего партию «Левых», сопровождалось, согласно стенограмме заседания, «аплодисментами всего зала». Целью государственной политики, заявил христианский демократ М. Глос, «должно быть обеспечение мира и дружбы между людьми в России и Германии». День 70-летия нападения гитлеровской Германии на СССР, продолжал он, «служит предупреждению

* **Борозняк Александр Иванович**, доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета.

ем, вызывает траурные воспоминания, но и открывает перспективу будущего». Ф. Бек (партия «Зеленых») напомнил об ответственности широких слоев немецкого народа за агрессию против Советского Союза: «Мы чувствуем вину перед русскими, украинцами и белорусами». Выражая позицию молодого поколения немецких политиков христианский демократ, историк по образованию Ф. Мисфельдер призвал депутатов постоянно помнить о том, что «ни одно европейское государство не заплатило во время войны столь высокой цены, как Россия». Депутат убежден: добрососедские отношения с нашей страной необходимы и благотворны для немцев. Но его суждения трезвы и реалистичны: «Что касается предрассудков по отношению к России, то нам предстоит еще много работы».

Парламент ФРГ с 1999 г. работает в здании бывшего германского рейхстага, взятого штурмом войсками Красной армии. В мае 1945 г. стены громадного здания были покрыты тысячами надписей советских солдат и офицеров, праздновавших Победу. Большинство надписей было утрачено, но часть их (во внутренних помещениях рейхстага) сохранилась и была в ходе реконструкции здания тщательно отреставрирована и снабжена пояснительными текстами на немецком языке. Один из участников слушаний, депутат от Христианско-демократического союза П. Байер, напомнил своим коллегам об одной из таких надписей: «Посеешь ветер – пожнешь бурю»¹. Несколько лет назад политическая акция бундестага ФРГ, посвященная годовщине 22 июня, была бы труднопредставима. В течение нескольких десятилетий ситуация в историческом сознании ФРГ полностью соответствовала вышеприведенной оценке Эрлера. Попытки сказать правду о преступной «войне на Востоке» немедленно пресекались.

Еще в 1969 г. была опубликована монография «Вермахт в нацистском государстве», принадлежавшая перу профессора М. Мессершмидта, занимавшего в 1970–1988 гг. пост руководителя научных работ Ведомства военно-исторических исследований во Фрайбурге. Ученый, привлекая множество неопубликованных документов, убедительно раскрыл механизм подчинения германских вооруженных сил гитлеровскому политическому руководству, активного участия генералитета в осуществлении подготовки «плана Барбаросса». Смело выступая против сложившихся в историографии ФРГ установок, Мессершмидт неопровержимо доказал, что «образ мышления военной верхушки был неотделим от образа мышления и деятельности нацистского государства»². Выводы ученого вызвали взрыв негодования на консервативном фланге западногерманской исторической науки, а также со стороны западногерманских «солдатских союзов» и бывших нацистских генералов. Набор обвинений в адрес Мессершмидта был стандартным: нанесены «оскорбления немецким вооруженным силам», ведется «злостная атака на немецких солдат». Генерал, ведавший воспитательной работой в бундесвере, заявлял, что «атака на вермахт», которую осуществляют Мессершмидт и его приверженцы, означает пагубную для ФРГ «вторую волну демилитаризации»³.

В 1978 г. вышло в свет фундаментальное исследование молодого историка К. Штрайта, посвященное бесчеловечному обращению вермахта с советскими военнопленными⁴. Книга названа «Они нам не товарищи». В заголовке воспроизведена директива Гитлера, определившая отношение к советским пленным. Современники не решались верить страшным фактам, о которых писал Штрайт. Газеты правого направления подвергли его резкой критике⁵. Ведущий исторический журнал ФРГ назвал его монографию «односторонней книгой»⁶. Историки готовы были признать преступления на советской территории, но относили их исключительно на счет СС и СД⁷. «Порой мне казалось, – с горечью писал о своем пребывании в Германии начала 1980-х гг. Л.З. Копелев, – что люди в ФРГ действительно ничего не знают о том, как истекали кровью Варшава и Киев, как должен был погибнуть от голода и стерт с лица земли Ленинград, кому обязан мир решающим поворотом в войне, достигнутым в руинах Сталинграда»⁸.

В западногерманском общественном мнении сохранялся доставшийся в наследство от гитлеровской пропаганды образ Советского Союза как врага. Вновь появилась на свет многократно опровергнутая легенда о «превентивном» характере нападения

фашистской Германии на Советский Союз⁹. Стремясь обнажить корни мифа о «превентивной войне», сотрудник Ведомства военно-исторических исследований И. Фёрстер опубликовал обнаруженный им архивный документ – директиву Верховного командования вермахта от 21 июня 1941 г. отделу военной пропаганды генштаба, которая предписывала исходить из того, что якобы «русские наступают, изготовившись к прыжку», и поэтому-де немецкое нападение является «абсолютной военной необходимостью». Именно от этого источника, по мнению ученого, и «ведут свое происхождение все уstonовки о превентивной войне Германии против Советского Союза»¹⁰.

Но правда о нацистской агрессии все же пробивала себе дорогу. В 1978 г. в СССР состоялась премьера широко известного фильма «Великая Отечественная» – документального сериала советско-американского производства (главный режиссер Р.Л. Кармен). Через три года, осенью 1981 г. его сокращенная версия была показана по телевидению ФРГ, получив название «Неизвестная война». За три недели до начала трансляции газета «Die Welt» требовала отказаться от демонстрации сериала, проникнутого, по ее мнению, «умолчаниями и искажениями»¹¹. Бывшие офицеры нацистской армии в десятках злобных писем угрожали расправой руководителю телекомпании WDR, выпустившей фильм на экран. Авторы анонимных писем предупреждали о возможном взрыве телепередатчиков. Еженедельник «Die Zeit» констатировал, что результатом просмотра телефильма были «ужас и стремление понять прошлое, в особенности у молодежи, которая знает о войне только понаслышке». Вопреки предубеждениям, значительная часть граждан ФРГ пришла к выводу, что сериал, «снятый с советской точки зрения», был «реалистичным и правдивым»: «Подобного фильма еще не было, и большинство зрителей это поняло»¹².

В вышедшей в 1981 г. книге профессора Г. Краусника (в 1959–1972 гг. он был директором Института современной истории в Мюнхене) подробно, с леденящими душу деталями, рассказано о преступлениях на советской земле айнзацгрупп СД – подразделений, специально созданных для массового уничтожения советского мирного населения. Айнзацгруппы, как убедительно показывает автор, пользовались безоговорочной поддержкой командования вермахта и действовали на основе соглашения с немецкими генералами, подписанного за месяц до нападения на Советский Союз¹³. Значительную роль в восстановлении исторической истины сыграл документальный сборник «“Операция Барбаросса”. Германская агрессия против Советского Союза», вышедший в 1984 г. под редакцией Г. Юбершера и В. Ветте – учеников и единомышленников Мессершмидта¹⁴.

Однако настоящим прорывом в исторической памяти о «войне на Востоке» стала передвижная документальная выставка «Преступления вермахта», показанная (в ее первой редакции) в 1995–1999 гг. в 32 городах ФРГ. Экспозиция, которая вызвала в германском обществе длительную и плодотворную дискуссию, была подготовлена Гамбургским институтом социальных исследований по замыслу публициста Г. Геера. Парадокс заключался в том, что основные факты, отраженные в экспозиции, уже освещались в трудах немецких ученых, но просто не воспринимались большинством немцев. Очевидно, дело было не в уровне научных изысканий, а в состоянии исторического сознания германского общества, в неготовности принять неудобную правду о роли вооруженных сил в фашистских преступлениях. Прежние разоблачения, касавшиеся преступной роли промышленников, финансистов, дипломатов, юристов и других представителей немецкой элиты в 1933–1945 гг., относились к ограниченному числу лиц и профессиональных групп. Через ряды же нацистских вооруженных сил прошли 18–19 млн немцев (на советско-германском фронте – 10–11 млн). Потребовалось полвека, чтобы германское общество смогло воспринимать обвинения, относящиеся к военнослужащим вермахта. Директор Института социальных исследований Я.Ф. Реemtсма отмечал: «Когда говорят о преступлениях вермахта, то имеют в виду степень соучастия собственной семьи в массовых убийствах. Крах цивилизации – это не абстракция, не события, происходившие где-то там, за колючей проволокой. Это то, что творилось в окопах, на полях и в лесах – и, пожалуй, в этом участвовали наши отцы и деды»¹⁵.

Общее число посетителей выставки составило около 860 тыс. человек, однако в сфере ее воздействия было значительно больше людей: необходимо учесть многочисленные лекции, телепередачи, встречи с политическими деятелями и учеными, дебаты в бундестаге и региональных парламентах, в местных собраниях депутатов. Издано около двух десятков книг, посвященных дискуссиям вокруг выставки¹⁶. Переломным моментом в восприятии выставки и в ее воздействии на германское общество стала весна 1997 г., когда она была показана в Мюнхене. Объективный показатель сдвигов в общественном мнении – записи в книгах посетителей, сделанные сразу после просмотра экспозиции. Больше половины записей принадлежало ветеранам вермахта. Преобладали тексты, проникнутые резким неприятием увиденного в выставочном зале: «Все это ложь, ничего этого не было»; «Через полвека после окончания войны организован крестовый поход против германского вермахта. Позор!»; «Выставку надо запретить!»; «Я никогда еще не видел такой неуравновешенной, грязной, леворадикальной выставки»; «Ваша выставка обвиняет весь народ, обвиняет всех немцев в преступлениях»; «Я стыжусь того, в каком виде предстают на выставке солдаты бывшего вермахта. Прошлое надо оставить в покое».

Проблема вины и ответственности за преступления, соединенная с проблемой отношения отцов и детей, отдавалась тревогой и болью: «Я все время боялась найти на снимках лицо моего отца»; «Меня всегда мучило, что мой отец был на войне. Стал добровольцем в 17 лет, служил в СС, потом 5 лет русского плена. Для меня он всегда был любимым отцом. Но что было там? Он говорил мне, что не участвовал в расстрелах евреев. Но что было в Харькове? С ним уже не поговоришь, он умер, когда ему было 60. Жизнь сломала его. Кто он: жертва или преступник?». И далее: «Ужасно. Теперь я знаю, почему многие люди против выставки. Я надеюсь, что все это никогда не повторится»; «Я думаю, что и пять десятилетий спустя не извлечены уроки из периода национал-социализма и что эта тема остается конфликтной и сегодня»¹⁷.

Осенью 1999 г. были обнаружены неточности в подписях под некоторыми фотографиями на стендах выставки. Это дало повод консервативной прессе поднять хорошо скоординированную кампанию против основной концепции выставки, которая именовалась «дилетантской», «демагогической» и «агитационной». При этом выдвигался следующий аргумент: о преступлениях вермахта на Восточном фронте не может быть и речи, якобы можно говорить только об «отдельных эксцессах», причем «остается неизвестным, насколько они типичны для вермахта в целом»¹⁸. Реемтсма принял решение о временном прекращении работы выставки и о подготовке новой экспозиции. При участии авторитетных научных экспертов задача была выполнена. Новая выставка успешно действовала в 2001–2004 гг. Ее посетили более 400 тыс. человек.

«Frankfurter Allgemeine Zeitung», систематически выступавшая против главной идеи экспозиции, все же была вынуждена назвать ее «самой успешной исторической выставкой в ФРГ», ставшей «фактом общественного сознания». Дискуссии вокруг выставки, по мнению газеты, привели к тому, что «в 90-е годы изменился облик Второй мировой войны»¹⁹. Организаторы выставки, отметил профессор Иенского университета Н. Фрай, смогли «сдвинуть с места процесс рефлексии, касающийся легенды о чистом вермахе», чего «вплоть до настоящего времени не удавалось сделать научным исследованиям»²⁰. «Непреходящая заслуга выставки состоит в том, – утверждал известный историк и публицист Р. Джордано, – что она резко и уже необратимо расширила восприятие своей тематики: от уровня специалистов до уровня общественного сознания. Можно с уверенностью сказать, что историческая разработка истории войны в последующие годы будет углублена. После всего, о чем мы узнали сегодня, картина войны на уничтожение станет еще более мрачной»²¹. Этот прогноз полностью оправдался. Под прямым воздействием дебатов о выставке в течение последнего десятилетия в ФРГ заметно интенсифицировались научные исследования по проблематике преступлений вермахта на оккупированных территориях СССР. В последние годы опубликовано несколько десятков солидных работ, основанных на архивных источниках и посвященных войне против Советского Союза.

Научный сотрудник Института современной истории в Мюнхене профессор К. Хартман принадлежал к числу убежденных оппонентов выставки, не разделяя, впрочем, крайних оценок некоторых своих коллег. Признавая принципиальную важность поднятой в прессе «волны дискуссий и конференций, трактатов и писем читателей, репортажей и воспоминаний», он считал, что экспозиция отличается излишней плакатной публицистичностью. Историк, безусловно, разделял ту точку зрения, что вермахт действовал «под знаком античеловеческой идеологии и последовательного отказа от правовых норм», но он задавал непростой вопрос: если говорить о вермахте как о преступной организации, то «в какой степени этот вывод относится к миллионам военнотружущих вермахта», или же он применим лишь «к узкому кругу генералов и штабных офицеров»? Хартман выступал против «легкомысленных и чересчур обобщенных» суждений и требовал «дифференцированного подхода» к злодеяниям немецкой армии на оккупированных территориях СССР²².

Плодом нелегких размышлений автора и его тщательных архивных изысканий явился изданный в 2009 г. фундаментальный труд «Вермахт на войне на Востоке. Фронт и тыл в 1941–1942 гг.»²³. Стремясь преодолеть «дефицит широких эмпирических исследований» о роли вермахта в военных преступлениях²⁴, Хартман проследил путь пяти германских дивизий в составе группы армий «Центр»: от Белостока, Бреста, Львова и Киева вплоть до центрального участка советско-германского фронта, до линии Орел–Курск. Это были соединения, существенно различавшиеся по технической оснащенности, выучке личного состава, поставленным боевым задачам, наличию резервных частей и т.д. В их числе – элитная 4-я танковая дивизия, две пехотные дивизии – 45-я (привилегированная) и 296-я (недостаточно вооруженная), а также 221-я охранная дивизия, сформированная преимущественно из бывших полицейских, и равное по численности дивизии 580-е тыловое соединение, которому были подчинены комендатуры прифронтовой полосы. Общая численность этих пяти формирований – около 60 тыс. солдат и офицеров.

Для Хартмана нет сомнения в том, что германские вооруженные силы «стали сообщниками нацистского режима», что «без них были бы невозможны войны Гитлера – самые кровавые в мировой истории»²⁵. Ученый подчеркивает: целью нацистов являлись «эксплуатация, порабощение и уничтожение советского общества, создание стратегически-экономического мирового господства “великогерманского рейха”, уничтожение “идеологических врагов” – еврейства и большевизма»²⁶. Но как быть со столь важной для историка проблемой дифференцированного подхода к участию солдат и офицеров вермахта в военных преступлениях? Предельно добросовестное, скрупулезное изучение Хартманом тысяч документов – приказов, боевых донесений, писем военнотружущих – показало, что личный состав всех пяти соединений действовал в непрерывном и самом тесном взаимодействии с СС, СД, полицейскими батальонами, полевой жандармерией, гестапо и айнзацгруппами. Неопровержимо доказано участие солдат и офицеров в карательных «антипартизанских акциях», в организации голода сельских и городских жителей, в истреблении еврейского населения, в охоте за людьми с целью их угона в Германию... Чего стоят, например, выдержки из приказов по 4-й танковой дивизии: «Страх перед немцами должен пробирать население до костей»; «Германский солдат должен сражаться. Для работы есть достаточно русских»; «Никакой жалости по отношению к гражданскому населению, к каждому подозреваемому! Будь жестоким, стреляй в него, прежде чем он убьет твоих товарищей!»²⁷. Главный вывод автора книги: «Пять соединений, действия которых находятся в центре исследования, ответственны за совершенные преступления», между ними нет «никаких заметных различий». И здесь не могут помочь никакие ссылки на «необходимость исполнения приказов». «Никто не нуждается уже в том, – резюмирует Хартман, – чтобы разоблачать миф о “чистом” вермахте, вина которого столь очевидна и впечатляюща, что любые дискуссии на эту тему бессмысленны»²⁸.

Следует сказать об изданных в течение последних лет военно-исторических трудах, принадлежащих представителям вошедшего ныне в пору зрелости поколения ис-

следователей. Для ученых, о которых пойдет речь, является само собой разумеющимся признание преступного характера агрессии против СССР. Их работы лишены полемической запальчивости, которой порой грешили организаторы первого варианта выставки «Преступления вермахта». Их исследования, как и монография Хартмана, основаны на материалах архивов – германских, а в ряде случаев и российских. Достижения российской науки органично входят в структуру германской историографии.

В 2008 г. Д. Поль, бывший коллега Хартмана, а ныне профессор Клагенфуртского университета в Австрии, опубликовал труд «Власть вермахта. Германская военная оккупация и советское местное население в 1941–1944 гг.»²⁹. Изучив фонды 9 германских и иностранных архивов, в том числе Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации в Подольске, он пришел к неоспоримому выводу, что на захваченных немцами советских территориях действовала «самая варварская оккупационная власть, которую до сих пор знала история»³⁰. Директивы по осуществлению оккупационного режима были подробно и тщательно разработаны командованием вермахта до начала войны – в феврале–июне 1941 г. В этих документах заранее предусматривалось, что «специальные части будут участвовать во вторжении вместе с вермахтом», а «оккупационные власти должны наводить ужас, что только и может помешать сопротивлению»³¹. Автор решительно выступает против «мифа о неучастии армии в массовых преступлениях». Он твердо убежден в том, что «вопреки прежним суждениям, именно части переднего края осуществляли оккупационную политику и в массовом порядке совершали военные преступления». И «не только убежденные национал-социалисты» – «среди участников преступлений подавляющее большинство принадлежало военнослужащим вермахта»³². Поль указывает, что в действиях СС и вермахта существовала «сопоставимая динамика варваризации», что неуклонно происходило «сближение идеологических позиций и практических действий этих двух основ нацистского государства»³³. Рецензируя книгу Поля, газета «Die Tageszeitung» назвала ее «образцовым трудом по истории германской военной оккупации советских территорий»³⁴.

Если о Сталинграде в Германии вышло больше сотни книг, то первое исследование о блокаде Ленинграда появилось только в 2007 г.³⁵ Причина в том, что битва на Волге была и остается для немцев символом мучений и жертв окруженных солдат вермахта, а в истории ленинградской блокады речь может идти только о муках жителей города, о жертвах, вызванных немецкими войсками. На основе германских и российских архивных материалов (в том числе недавно рассекреченных фондов) и новейших работ российских ученых подготовил свое исследование сотрудник Иенского университета И. Ганценмюллер. «Необходимо расширить научную перспективу, – утверждает автор, – и рассмотреть блокаду Ленинграда в связи с общими целями германского нападения на Советский Союз». Очень важными являются заключения историка о том, что германская политика голода и разрушения, направленная против ленинградцев, «вытекала не только из конкретной ситуации осени 1941 г.», но прежде всего из «внутренней логики войны, направленной на грабеж и уничтожение». Налицо была «комбинация краткосрочных военно-экономических с долгосрочными идеологическими факторами». Стремление уничтожить Ленинград полностью вытекало из того, что «поход против России с самого начала был захватнической, истребительной войной»³⁶.

Крах плана «молниеносной войны», страх перед тем, что «Ленинград будет сражаться до последнего человека» привели к тому, что командование вермахта отказалось «от выполнения первоначального приказа о захвате города и перешло к решению об осаде и к плану голодной смерти всех жителей города». «Впервые в мировой истории осада укрепленного города осуществлялась не для его захвата», но для физической ликвидации его жителей, которые вместе с городом должны были «исчезнуть с лица земли»³⁷. Вынашивались планы применения против ленинградцев боевых отравляющих веществ, изоляции осажденного города сотнями километров колючей проволоки с пропущенным по ней электротоком. В оккупированных вермахтом пригородах шло умерщвление душевнобольных. Но главным преступлением гитлеровцев была сознательная и целенаправленная организация голода.

Автор книги с сожалением констатирует, что «для блокады нет места в культурной памяти ФРГ». По-прежнему преобладают стереотипы, сложившиеся под воздействием мемуаров генералов вермахта, где о боях под Ленинградом говорится как о военных действиях в непривычных для немцев условиях, о существенных жертвах убитыми и ранеными в условиях якобы «легитимной войны» и «фанатичного сопротивления» Красной армии³⁸. «Die Zeit» дал впечатляющую оценку монографии: «Лондон, Ковентри, Антверпен, Гамбург, Дрезден, Варшава – многие города Европы испытали муки войны и были превращены в развалины. Но Ленинград выдержал катастрофу, несопоставимую с другими городами и по длительности страданий, и по числу павших. Своей книгой Ганценмюллер воздвиг впечатляющий памятник Невской столице и ее трагедии»³⁹.

Так называемый приказ о комиссарах («Директива об особом обращении с политкомиссарами») был издан Верховным командованием вермахта за две недели до начала войны, 6 июня 1941 г. В приказе недвусмысленно говорилось, что советские политработники «не должны рассматриваться в качестве военнопленных», что их следует «незамедлительно, с максимальной строгостью» подвергнуть «особому обращению по приказу офицера». Специально подчеркивалось, что по отношению к комиссарам «невозможно применять соображения международно-правового характера». Нацистский документ был лицензией на безнаказанные убийства и одновременно инструкцией по их осуществлению. Разработка приказа была криминальным ответом послушных высших военачальников вермахта на установки Гитлера, изложенные в выступлениях перед генералами 30 марта и 6 мая 1941 г., – «преодолеть любые предрассудки», «уничтожить комиссаров и коммунистическую интеллигенцию».

Директива о расстрелах политкомиссаров без суда и следствия была представлена стороной обвинения Международному военному трибуналу в Нюрнберге в качестве неотъемлемой части комплекса «преступных приказов», изданных в связи с подготовкой и реализацией плана «Барбаросса». Однако и на «главном процессе», и на проведенном американцами «процессе Верховного командования вермахта» (октябрь 1948 г. – апрель 1949 г.) обвиняемые и их адвокаты упорно и небезуспешно отрицали то, что на фронте происходили расправы над советскими политработниками. Утверждалось, что приказ не передавался по команде и не исполнялся, а расстрелы комиссаров производились только СС и СД. Эта версия была закреплена в неоднократно издававшихся в ФРГ мемуарах Гудериана и Манштейна, в многочисленных «исторических очерках» о дивизиях вермахта. И в современной ФРГ факты расстрелов политкомиссаров отнюдь не являются общепризнанными.

Это и побудило Ф. Рёмера, молодого преподавателя Майнцского университета осуществить в течение нескольких лет фундаментальные разыскания в фондах Государственного военного архива ФРГ с целью противодействовать «тенденции к возникновению светлых пятен в темной истории Третьего рейха и его вермахта»⁴⁰. Масштабы исследовательской работы Рёмера впечатляют. Им были изучены фонды трех групп войск вермахта на Восточном фронте («Север», «Центр» и «Юг»), 9 общевойсковых армий, 4 танковые группы, 44 армейских корпуса, 139 дивизий. Несмотря на то, что множество документов вермахта было утрачено в ходе военных действий или сознательно уничтожено, рапорты о расстрелах советских политработников сохранились в архивных фондах 116 дивизий сухопутных сил вермахта. Из документов подавляющего большинства немецких фронтовых дивизий явствует, что «директивы об особом обращении с политкомиссарами» были не только доведены командованием до личного состава вермахта вплоть до уровня батальонов и рот, но и дополнены «уточняющими» приказами. Среди десятков формулировок командиров высшего и среднего звена, приведенных автором книги, есть и такие: обрушить на русских «*Furor Teutonicus*» (лат.: «тевтонский гнев»); «самостоятельно расправляться с гражданскими лицами и комиссарами, не прибегая к их пленению»; «политкомиссаров в плен не брать»; «не допускать проявлений человечности»; «ежедневно докладывать о расстрелах политкомисса-

ров»; незамедлительно сообщать «число расстрелянных – отдельно по гражданским лицам и по армейским политкомиссарам»⁴¹.

Настойчиво формировался образ политруков как «красных угнетателей», «только под дулами пистолетов» которых якобы сражались бойцы Красной армии. В инструкции, изданной Верховным командованием вермахта, говорилось: «Каждый, кто взглянул в лицо любого красного комиссара, узнает, что такое большевизм. Мы бы оскорбили животных, если бы отыскиали их черты в этих еврейских рожах». В сознание и подсознание личного состава вермахта были прочно внедрены «антиславянские и антикоммунистические убеждения». И если у генералов, поголовно участвовавших в Первой мировой войне, они были связаны с памятью о Ноябрьской революции и Версальском мире, то следующему поколению солдат и офицеров эти убеждения были внушены уже нацистской пропагандой⁴².

Рёмер приходит к выводу, что в ходе агрессии против Советского Союза происходило «расширение сферы политики уничтожения», шла «непрекращающаяся ни на один день варваризация войны». Осуществлялась легализация «ремесла убийств», необратимо совершалась «моральная деградация» немецких офицеров и солдат, что позволяло им «совершать преступления, не ощущая себя преступниками»⁴³. На основе тщательного изучения документов вермахта автор считает абсолютно доказанными 3 800 случаев казней политруков. Но он уверен, что, ввиду пробелов в источниках, число жертв «фактически значительно выше четырехзначной цифры и составляет пятизначное число»⁴⁴. При этом уже летом 1941 г. многим немецким военнослужащим стало очевидным, что план «молниеносной войны» обречен на провал. Характерны приведенные Рёмером признания офицеров вермахта: «Большевики сражаются с беспримерным фанатизмом»; «враг стойко обороняется, сражаясь иногда до последнего патрона»; «каждому солдату ясно, что не оправдались прежние представления о несовременной, плохо организованной российской армии»; «русские воюют не за страх, а за идею» – под воздействием «любви к родине и их идейных воззрений»⁴⁵.

Среди книг о германской агрессии против СССР видное место занимает исследование сотрудника Института современной истории в Мюнхене И. Хюртера, в котором представлен «коллективный портрет» 25 командующих войсками вермахта, действовавших на Восточном фронте⁴⁶. Среди них широко известные имена: генерал-фельдмаршалы фон Бок, Буш, фон Клейст, фон Кюхлер, фон Клюге, фон Лееб, фон Манштейн, фон Райхенау, фон Рундштедт; генерал-полковники фон Фалькенхорст, Гудериан, Гот. Автор неопровержимо доказывает, что эту «гомогенную группу генералов» объединяла принадлежность к военной касте (преимущественно к прусско-дворянской), участие в Первой мировой войне и вынесенная отсюда ненависть к России, боязнь повторения Ноябрьской революции, неприятие Веймарской республики, страх перед большевизмом, безоговорочно-услужливое согласие с «фюрером» в целях и методах агрессии против Советского Союза. И на этапе подготовки преступного замысла, и на этапе его реализации между Гитлером и высшим командным составом вермахта существовало полное «единство относительно целей войны и образов врага». Установки нацистов «были поняты, приняты всерьез и развиты дальше»⁴⁷. Так, начальник оперативного отдела Верховного командования вермахта Йодль, прямо повторяя слова фюрера, именвал войну «противоборством двух мировоззрений», которое приведет к ликвидации «еврейско-большевистской интеллигенции». Кюхлер считал агрессию против СССР «продолжением вековой борьбы между германцами и славянами». О том же в марте 1942 г. говорилось в приказе Браухича: «борьба расы против расы» должна вестись «со всей необходимой жестокостью». Клюге приказывал «немедленно ликвидировать как партизан вооруженных гражданских лиц, даже если у них будет обнаружена всего лишь опасная бритва за голенищем»⁴⁸.

По прямой инициативе генералитета, констатирует Хюртер, было заранее достигнуто «быстрое и бесконфликтное единство с СС», что означало «неприкрытый разрыв с правовыми соглашениями о способах ведения военных действий» и решительный выход «за пределы любых этических и моральных границ». По существу, происходило

превращение оккупированных территорий в «гигантский концентрационный лагерь». Заключение Хюртера предельно точно и беспощадно: «Громадный комплекс преступлений германского военного командования на территории Советского Союза» фактически нашел свое оправдание в Западной Германии, поскольку генералы вермахта не только избежали наказания, но «в своих мемуарах сконструировали такую трактовку событий, которая превратилась в символы и мифы коллективной памяти послевоенного общества»⁴⁹.

С тезисами Хюртера согласен и профессор Р.-Д. Мюллер, который с 1999 г. занимает пост руководителя научных работ Ведомства военно-исторических исследований, ныне находящегося в Потсдаме. В изданной в 2011 г. книге «Враг находится на Востоке» Мюллер именует войну против СССР «преступной расово-идеологической войной на уничтожение», «самой крупной и самой кровавой войной в мировой истории», которая «затмевает ужасы Чингисхана» и «занимает выдающееся место в коллективной памяти, побуждая ученых задавать истории все новые вопросы». В центре внимания автора находится поиск ответов на некоторые из них. Он указывает, что выставка «Преступления вермахта» дала «существенные импульсы» для такого поиска⁵⁰.

Нюрнбергский Международный военный трибунал, осудив злодеяния германской политической и военной верхушки, не квалифицировал при этом вермахт и его генеральный штаб в качестве преступных организаций. Но из приговора трибунала вытекали право и обязанность союзников судить нацистских преступников в индивидуальном или групповом порядке. Осуществлению этого масштабного плана помешала начинавшаяся холодная война. В Западной Германии сформировалась легенда о «чистом вермахте», в соответствии с которой планирование и осуществление войны трактовались как личная вина Гитлера. Высшие военные чины, замечает Мюллер, утверждали теперь, что они только вынуждены были подчиняться Гитлеру, что якобы «их врагом был “фюрер”, а не Красная армия». «Первой ласточкой» такого рода стала выпущенная в 1949 г. брошюра бывшего начальника штаба сухопутных войск генерал-полковника Гальдера «Гитлер как полководец»⁵¹. Ему, по оценке Мюллера, удалось тщательно замаскировать существенные факты о «предварительном планировании войны против СССР». Аналогичная версия легла в основу многочисленных мемуаров бывших военачальников Гитлера, в избытке заполнивших книжный рынок ФРГ. Установка о единоличной ответственности Гитлера, о непричастности к его преступлениям немецкой правящей элиты на два–три десятилетия стала «несущей конструкцией исторической литературы», всей «прежней историографии». «Системой стало прямое сокрытие инициатив командования вермахта по подготовке восточного похода»⁵².

Опираясь на «новые, малоизвестные или забытые документы», Мюллер опровергает «сомнительные трактовки ключевых источников» и «подвергает критике сложившиеся интерпретации германской агрессивной политики»⁵³. Ученый обращает особое внимание на то, что избежавшие наказания нацистские военачальники при поддержке США сыграли решающую роль в формировании бундесвера и разведывательных органов ФРГ. Он подробно рассказывает о послевоенной карьере представителей нацистской армейской элиты, отличившихся в свое время в войне против Советского Союза – о генерале Хойзингере, ставшем генеральным инспектором бундесвера, и о его бывшем адъютанте – генерале Гелене, который при нацистах являлся начальником отдела генштаба «Иностранные армии Востока», а после войны – основателем спецслужб ФРГ⁵⁴.

К 70-й годовщине начала нацистской агрессии был приурочен выпуск популярной книги Хартмана «Операция Барбаросса. Германская война на Востоке»⁵⁵. Возможно, именно небольшой объем работы, ее обращение к массовому читателю делают книгу значительным событием в исторической науке ФРГ, своеобразным итогом исследований войны 1941–1945 гг. немецкими учеными в течение последних 10–15 лет. Для автора несомненно, что с самого начала «это была расово-идеологическая война на уничтожение», что «инициатива в развязывании войны целиком и полностью принадлежала Германии»⁵⁶. Хартман вновь и вновь обращается к преступной роли германской

армии: «Без административной и логистической поддержки вермахта массовые убийства были бы невозможны»; «немцы вели против Советского Союза войну, главным в которой были произвол» и осуществление «грабежа в таких масштабах, каких еще не знал мир»⁵⁷.

Сдержанное, кажущееся порой отстраненным повествование Хартмана дважды взрывается эмоциями. В обоих случаях речь идет о классических произведениях советского искусства, отражающих «океан человеческих трагедий»: о 7-й (Ленинградской) симфонии Д.Д. Шостаковича и о фильме Э.Г. Климова «Иди и смотри». Хартман, в отличие от многих историков ФРГ, отдает дань мужеству и жертвенности советского народа. В 1941 г. и в последующие годы, указывает историк, СССР прошел «жестокую школу войны», создал новую, победоносную армию. Именно Советский Союз внес «очень значительный, если не самый значительный вклад» в победу над нацизмом, собственной кровью добился «крушения плана мирового блицкрига»⁵⁸.

Что же двигало армией и народом СССР в их борьбе? Хартман так отвечает на этот вопрос: «сознание борьбы за справедливое дело», ощущение «единства судьбы», «новое качество общественной сплоченности». «Великая Отечественная война стала волшебным словом», овладевшим массами, и «поэтому крушение германской стратегии было неизбежным»⁵⁹. Такое признание из уст немецкого ученого дорогого стоит. Обращаясь к будущей судьбе исторической памяти о войне, автор заключает: «Такой войны еще не было. Ни в одной войне не было пролито столько крови, ни одна война не оставила таких глубоких следов в памяти современников». Можно только присоединиться к справедливому выводу историка: эту войну «нельзя ни забывать, ни игнорировать», «память о ней переживет свидетелей этих событий»⁶⁰.

Трудно переоценить научную и политическую значимость публикации в 2011 г. корпуса архивных документов о германской оккупационной политике в западных регионах СССР. Речь идет об осуществленном под руководством профессора Штутгартского университета К.-М. Мальмана издании внушительного по объему (более 900 страниц) сборника почти ежедневных донесений командования айнзацгрупп за период с 23 июня до конца 1941 г.⁶¹ Сугубо секретная, цинично-откровенная информация была предназначена для шефа Главного управления имперской безопасности Гейдриха и предельно узкого круга лиц. Теперь мы можем получить гораздо более точное представление о направленности и объемах преступной деятельности айнзацгрупп. В сообщении от 8 ноября 1941 г. говорилось: «Что касается казней, то по приказу командования до сих пор ликвидировано примерно 80 тысяч человек. Среди них было 8 тысяч человек, которые обвинялись в антигерманских или большевистских действиях. Остальные были уничтожены в ходе акций возмездия... Самые крупные из этих акций были осуществлены непосредственно после взятия Киева против евреев вместе со всеми их родственниками».

К массовому читателю ФРГ обращено иллюстрированное приложение к еженедельнику «Die Zeit», также приуроченное к годовщине нацистской агрессии и вышедшее (в журнальном формате) под названием «Война Гитлера на Востоке»⁶². В выпуске помещены материалы авторитетных историков Ветте, Хартмана, Рёмера, Ганценмюллера, Поля, Геера. Примечательная особенность выпуска – публикация обширных воспоминаний советских ветеранов войны. Профессор Фрайбургского университета В. Ветте, статья которого открывает приложение, убежден, что советско-германская война была «основным событием Второй мировой войны». «В ходе войны стерлась какая-либо разделительная линия между вермахтом и СС». Как и его единомышленники, Ветте обращается к образу «восточного похода», сложившемуся в послевоенном западногерманском общественном мнении: «За безоговорочной капитуляцией не последовало самокритичных дискуссий о войне. В течение долгого времени доминировало сознание, оправдывавшее преступное нарушение права. Распространялись легенды, явно приукрашивающие действительность... Во всем обвинялись Гитлер, его партия, осужденные в Нюрнберге главные военные преступники, СС и гестапо. Вермахт, напротив, оставался незапятнанным, и все, кто его критиковал, объявлялись людьми, вы-

носящими сор из избы. Гитлер именовался исторической случайностью». Но сегодня, подчеркивает Ветте, после дискуссий, вышедших за пределы профессионально-исторического сообщества, «вермахт рассматривается – в полном соответствии с действительностью – как гигантская машина, предназначенная для уничтожения». Кардинальная переоценка «похода на Восток» имеет «принципиально важное значение для взаимопонимания с государствами и обществами, образовавшимися на месте прежнего Советского Союза», для того, чтобы «немцы и русские взаимно воспринимали себя как партнеры и добрые соседи»⁶³.

Продолжая начатый Ветте анализ эволюции исторического сознания ФРГ, Г. Геер отмечает: «Всегда трудно вспоминать о собственных преступлениях. В случае с Холокостом это удалось, хотя бы наполовину. То, что война на уничтожение не укоренилась прочно в структуре памяти, связано с тем, что вермахт был проекцией всего германского общества, что участниками войны были мужчины каждой семьи. Стратегия бывших солдат и их домочадцев заключалась в том, чтобы вытеснить из сознания совершенные злодеяния. Свою роль сыграло и то, что образ врага, сформировавшийся в годы нацизма, оказался востребованным в антикоммунистическом климате холодной войны»⁶⁴.

В 2011 г. германская общественность достойно встретила годовщину трагического дня 22 июня. «Закрепилась ли память о войне против СССР в коллективной памяти немцев? – звучит вопрос на страницах еженедельника “Die Zeit”. – Этого нельзя утверждать на основе каких-либо эмпирических исследований. Но одно можно сказать с полной уверенностью: сегодня уже нельзя отрицать вину Германии за гибель 27 миллионов советских граждан. Все мы знаем о том, что тогда произошло, и можно надеяться, что это не будет забыто»⁶⁵. Но большая часть откликов на указанную годовщину в прессе ФРГ посвящена тревожным проблемам исторического сознания немецких граждан. Глубокой горечью проникнуты слова П. Яна, в течение долгих лет являвшегося директором Российско-германского музея «Берлин–Карлсхорст»: «Берлинский памятник жертвам Холокоста посвящен памяти евреев Европы, в том числе советских евреев. Но не увековечена память о миллионах славян, павших жертвами расовой политики уничтожения»⁶⁶. Аналогичное требование выдвигала газета «Berliner Zeitung»: «Синти и рома (этнические группы цыган, которые, наряду с евреями, властителями Третьего рейха были приговорены к уничтожению. – А.Б.) добиваются сооружения монумента их жертвам, которые не могут быть признаны второстепенными. Погибшие в ходе эвтаназии должны довольствоваться установкой скромной металлической плиты. Но люди, насильственно угнанные в Германию, и военнопленные, которых преследовали и убивали как “славянских недочеловеков”, не удостоены и такого скромного знака памяти»⁶⁷. Ей вторит газета «Die Tageszeitung»: «О них в Германии нет ни одного романа, ни одного фильма, ни одной театральной постановки или телепередачи. Советские пленные до сих пор не считаются жертвами нацистской политики»⁶⁸. 1 июня 2011 г. представителями ряда общественных организаций и университетов ФРГ был принят меморандум «Забытые жертвы преступной войны против Советского Союза», в котором отмечено, что жертвы советского гражданского населения оккупированных территорий и советских военнопленных «до сих пор не заняли достойного места в памяти немцев». «Мы обращаемся к государству и обществу Федеративной Республики для того, чтобы преодолеть эту несправедливость и включить эти жертвы в структуру исторической культуры», – говорится в меморандуме⁶⁹.

Тревога передовой части германского общества вполне обоснована. В ФРГ в течение последних лет активизировалось стремление «нормализовать историю», оказаться, как и другие страны Европы, в роли жертвы. Несколько лет назад развернулась дискуссия о союзнических бомбардировках немецких городов. Многочисленные описания разрушений германских городов обернулись попыткой отвести массовое сознание от постулатов национальной ответственности и национальной вины за развязывание Второй мировой войны, за «войну на Востоке», за преступные методы ее ведения. Р. Джордано задает резонный вопрос: «Но разве все эти сцены не были повтором? Повтором того, что происходило на всем разрушенном немцами континенте, в особенности в

Восточной Европе, в бесчисленных уничтоженных польских, белорусских, украинских и русских селах и городах – от Балтики до Кавказа... Если Гамбург, Кёльн, Дрезден, Берлин, Пфортгейм или Вюрцбург были разрушены воздушными бомбардировками, то громадное число городов было уничтожено германской артиллерией и танками»⁷⁰.

Памяти трагических судеб оstarбайтеров и советских военнопленных была посвящена выставка, проходившая в июне–июле 2011 г. в здании Берлинского университета им. Гумбольдта. Организатор экспозиции – общественная организация «Kontakte–Контакты», оказывающая реальную поддержку российским жертвам германской агрессии, выступающая за утверждение дружественных отношений между народами ФРГ и Российской Федерации⁷¹. Вот несколько записей из книги посетителей выставки: «Но я не знал обо всем этом. Это ужасно»; «Мне стыдно за моих предков, совершавших преступления. Немцы – не жертвы. Немцы – преступники. Я буду делать все, чтобы рассказать людям правду, чтобы фашизм больше никогда не утвердился в Германии»; «Война иногда превращает людей в животных. Мы, немцы, должны признать свою вину. Наш долг – сделать все для мира во всем мире»; «Я надеюсь, что выставка будет показана и в других городах для того, чтобы наши потомки познавали нашу историю»⁷².

22 июня 2011 г. на бывшем стрельбище СС Хебертсхаузен близ Дахау, где по приказу Гимmlера были расстреляны более 4 500 взятых в плен командиров и политработников Красной армии, прошла траурная церемония захоронения останков жертв, найденных в результате поисковых работ. На кладбище присутствовали представители посольств России, Украины и Белоруссии, священнослужители нескольких религиозных конфессий. Высшую цель церемонии определила директор Мемориального центра «Концлагерь Дахау» Г. Хаммерман: «Сегодняшнее захоронение должно стать знаком борьбы против забвения»⁷³. В этот же день в музее «Берлин–Карлсхорст» была открыта выставка «Июнь 1941 года – незажившая рана». Трагедия войны раскрыта на примере судеб 24 простых людей – русских и немцев⁷⁴.

Беспокойство немецких ученых вызывают участвовавшие попытки реанимировать многократно опровергнутую версию о том, что Гитлер начал против СССР «вынужденную», «превентивную» войну. Достаточно широкое распространение получила вышедшая недавно книга польско-немецкого историка Б. Мусяля⁷⁵ «Театр войны – Германия. Сталинские планы войны против Запада»⁷⁶. Реакция прессы и научной общественности была практически единодушной. Мюллер назвал установку Мусяля «бессмысленным утверждением»⁷⁷. «Остается неясным: действует ли Мусяль бездумно или же он вполне серьезно хочет поставить на одну доску национал-социализм и сталинизм... – задается вопросом Ганценмюллер. – Он стремится к провокации, направленной против международной науки. Но недостатки его методик столь очевидны, а степень убедительности его тезисов столь мала, что развязать дискуссию ему явно не удастся»⁷⁸. Газета «Die Welt», далеко не всегда предлагающая читателю объективную историческую информацию, на сей раз предпочла резко выступить против Мусяля: «Нацистский миф о превентивной войне не исчез... Книги по этой тематике хорошо продаются, нередко издаются повторно, принося доходы, которые только сняты серьезным историкам... Конечно же, речь идет о том, чтобы “опровергнуть” или, по меньшей мере, “преуменьшить” вину гитлеровской Германии за Вторую мировую войну»⁷⁹. «Frankfurter Rundschau» указала, что Мусяль «с заднего крыльца протаскивает обновленную версию старого мифа» – «сомнительную легенду, которая выступает в новом обличье», но «не поддерживается ни одним серьезным историком»⁸⁰. «Неужели Мусяль забыл, – язвительно вопрошала газета «Das Parlament», – что 22 июня 1941 г. именно гитлеровская Германия напала на Советский Союз?»⁸¹.

Несомненно, произошло определенное сближение позиций российской и германской историографий в исследовании Второй мировой войны и центрального ее события – германской агрессии против Советского Союза. Налицо существенное расширение пространства исторической правды о войне, новое прочтение ее трагического опыта. В течение последнего десятилетия заложены основы равноправного и результативного диалога российских и немецких историков, диалога без предвзятости, пе-

редержек и оскорбительных ярлыков. Преодолена традиция недоверия, сломана тенденция к добровольной и недобровольной автаркии, сняты взаимные претензии на научную монополию. В 1997 г. по решению руководителей двух стран была образована Совместная комиссия по изучению новейшей истории российско-германских отношений. Она координирует исследования и осуществляет совместные проекты, в том числе публикации комплексов документов из российских и германских архивов. Несколько проведенных комиссией коллоквиумов и дискуссий были посвящены проблематике Второй мировой войны и нацистской агрессии против СССР. Соответствующие материалы опубликованы на русском и немецком языках⁸². Но это только начало общего пути. Впереди большая и сложная работа по подготовке коллективных трудов по истории войны 1941–1945 гг., которые могут и должны стать вкладом в историческую науку и историческое сознание наших стран.

Примечания

¹ Deutscher Bundestag. 17. Wahlperiode. 117. Sitzung. 30. Juni 2011. S. 13465–13473.

² *Messerschmidt M.* Die Wehrmacht im NS-Staat. Zeit der Indoktrination. Hamburg, 1969. S. 491.

³ См.: *Wette W.* Wehrmachtstradition und Bundeswehr // Vorbild Wehrmacht? Wehrmachtsverbrechen, Rechtsextremismus und Bundeswehr. Köln, 1998. S. 138–139.

⁴ *Streit Ch.* Keine Kameraden. Die Wehrmacht und die sowjetischen Kriegsgefangenen 1941–1945. Stuttgart, 1978.

⁵ Die Welt. 1979. 18. Dezember; Bayernkurier. 1980. 26. Januar.

⁶ *Zajas A.-M. de.* Rezension zu: Ch. Streit. Keine Kameraden // Historische Zeitschrift. 1981. Bd. 232. H. 1. S. 497–498.

⁷ В современных изданиях работу Штрайта именуют – с полным на то основанием – «классическим исследованием» (*Förster J.* Hitlers Wendung nach Osten. Die deutsche Kriegspolitik 1940–1941 // Zwei Wege nach Moskau. Vom Hitler-Stalin-Pakt bis zum «Unternehmen Barbarossa». München, 1991. S. 320).

⁸ Eine Rede und ihre Wirkung. Betroffene nehmen Stellung. Berlin, 1986. S. 43.

⁹ Материалы дискуссий вокруг легенды о «превентивной войне» см.: Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion 1941. Die Kontroverse um die Präventivkriegsthese. Darmstadt, 1998; Präventivkrieg? Der deutsche Angriff auf die Sowjetunion. Frankfurt a. M., 2000.

¹⁰ *Förster J.* Das nationalsozialistische Herrschaftssystem und der Krieg gegen die Sowjetunion // Erobern und vernichten. Der Krieg gegen die Sowjetunion 1941–1945. Essays. Berlin, 1991. S. 36–37.

¹¹ Die Welt. 1981. 22. August.

¹² Die Zeit. 1982. 15. Januar.

¹³ *Krausnick H.* Hitlers Einsatztruppen. Die Truppe des Weltanschauungskrieges 1938–1942. Frankfurt a. M., 1998.

¹⁴ «Unternehmen Barbarossa». Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion 1941. Berichte, Analyse, Dokumente. Paderborn, 1984. Второе, дополненное издание книги было опубликовано большим тиражом в 1991 г. (Der deutsche Überfall auf die Sowjetunion. «Unternehmen Barbarossa» 1941. Frankfurt a. M., 1991).

¹⁵ *Reemtsma J.Ph.* Zwei Ausstellungen // Mittelweg 36. 2004. № 1. S. 58.

¹⁶ См.: Die Wehrmachtausstellung. Dokumentation einer Kontroverse. Bonn, 1997; Besucher einer Ausstellung. Die Ausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944» in Interview und Gespräch. Hamburg, 1998; Eine Ausstellung und ihre Folgen. Zur Rezeption der Ausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944». Hamburg, 1999; Wehrmachtsverbrechen. Eine deutsche Kontroverse. Hamburg, 1999; Die Wehrmacht. Mythos und Realität. München, 1999; Der Vernichtungskrieg im Osten. Verbrechen der Wehrmacht in der Sowjetunion aus Sicht russischer Historiker. Kassel, 1999; Verbrechen der Wehrmacht. Bilanz einer Debatte. München, 2005.

¹⁷ Записи в книгах отзывов приводятся по: Bilanz einer Ausstellung Dokumentation der Kontroverse um die Ausstellung «Vernichtungskrieg. Verbrechen der Wehrmacht 1941 bis 1944». München, 1998. S. 207–249.

¹⁸ Focus. 1999. H. 43. S. 44–46.

- ¹⁹ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1999. 1. September.
- ²⁰ Die Zeit. 2004. 22. Januar.
- ²¹ *Giordano R.* Die Traditionslüge. Vom Kriegskult in der Bundeswehr. Köln, 2000. S. 344.
- ²² *Hartmann Ch.* Verbrecherischer Krieg – verbrecherische Wehrmacht? Überlegungen zur Struktur des deutschen Ostheeres 1941–1944 // Vierteljahreshefte für Zeitgeschichte. 2004. H. 1. S. 1–75.
- ²³ *Hartmann Ch.* Wehrmacht im Ostkrieg. Front und militärisches Hinterland 1941/42. München, 2009.
- ²⁴ Ibid. S. 13.
- ²⁵ Ibid. S. 11.
- ²⁶ Ibid. S. 469.
- ²⁷ Ibid. S. 3.
- ²⁸ Ibid. S. 790–791.
- ²⁹ *Pohl D.* Die Herrschaft der Wehrmacht. Deutsche Militärbesatzung und einheimische Bevölkerung in der Sowjetunion 1941–1944. München, 2008.
- ³⁰ Ibid. S. 337.
- ³¹ Ibid. S. 72, 159.
- ³² Ibid. S. 349, 356.
- ³³ Ibid. S. 351.
- ³⁴ Die Tageszeitung. 2008. 15. November.
- ³⁵ *Ganzenmüller J.* Das belagerte Leningrad 1941–1944. Die Stadt in den Strategien von Angreifern. Paderborn, 2007.
- ³⁶ Ibid. S. 2–3, 18.
- ³⁷ Ibid. S. 2, 3, 13, 18.
- ³⁸ Ibid. S. 563, 365.
- ³⁹ Die Zeit. 2006. 26. Januar. Прямое продолжение исследования Ганценмюллера – тематический номер журнала «Osteuropa», вышедший под названием «Ленинградская блокада. Война, город и смерть» (Osteuropa. 2011. H. 8–9: Die Leningrader Blockade. Der Krieg, die Stadt und der Tod). Авторы номера – немецкие и российские историки.
- ⁴⁰ *Römer F.* Der Kommissarbefehl. Wehrmacht und NS-Verbrechen an der Ostfront 1941/42. Paderborn, 2008. S. 19.
- ⁴¹ Ibid. S. 87, 93, 114, 167, 189, 380.
- ⁴² Ibid. S. 199, 250, 289, 291, 309–310.
- ⁴³ Ibid. S. 193, 226, 505, 561.
- ⁴⁴ Ibid. S. 403, 561.
- ⁴⁵ Ibid. S. 209, 253, 293.
- ⁴⁶ *Hürter J.* Hitlers Heeführer. Die deutschen Oberfeldherren im Krieg gegen die Sowjetunion 1941/42. München, 2006.
- ⁴⁷ Ibid. S. 213, 220.
- ⁴⁸ Ibid. S. 211, 219, 231–232, 368.
- ⁴⁹ Ibid. S. 241, 249, 264, 359, 617.
- ⁵⁰ *Müller R.-D.* Der Feind steht im Osten. Hitlers geheime Pläne für einen Krieg gegen die Sowjetunion im Jahr 1939. Berlin, 2011. S. 7–8.
- ⁵¹ *Halder F.* Hitler als Feldherr. Der ehemalige Chef des Generalstabes berichtet die Wahrheit. München, 1949.
- ⁵² *Müller R.-D.* Op. cit. S. 8, 12, 196.
- ⁵³ Ibid. S. 7, 9, 11.
- ⁵⁴ Ibid. S. 191–192.
- ⁵⁵ *Hartmann Ch.* Unternehmen Barbarossa. Der deutsche Krieg im Osten 1941–1945. München, 2011.
- ⁵⁶ Ibid. S. 8, 111.
- ⁵⁷ Ibid. S. 65, 69–70, 77, 111.
- ⁵⁸ Ibid. S. 7, 43, 63, 92.
- ⁵⁹ Ibid. S. 7, 9, 122.
- ⁶⁰ Ibid. S. 122.
- ⁶¹ Die «Ereignismeldungen UdSSR» 1941: Dokumente der Einsatzgruppen in der Sowjetunion. Bd. 1. Darmstadt, 2011.
- ⁶² ZEIT Geschichte. Epochen. Menschen. Ideen. 2011. H. 2: Hitlers Krieg im Osten.
- ⁶³ *Wette W.* Sie wollten den totalen Krieg // Ibid. S. 16–24.
- ⁶⁴ *Heer H., Welzer H.* Ein Erlebnis absoluter Macht // Ibid. S. 94.

- ⁶⁵ Die Zeit. 2011. 1. Juni.
⁶⁶ Die Zeit. 2011. 19. Mai.
⁶⁷ Berliner Zeitung. 2005. 11. Mai.
⁶⁸ Die Tageszeitung. 2011. 22. Juni.
⁶⁹ <https://www.asf-ev.de/de/zeichen-setzen/70-jahre-ueberfall-auf-die-sowjetunion/memorandum-aus-dem-schatten-der-erinnerung.html>
⁷⁰ Giordano R. «Ehe der zurückkehrende Bumerang den Werfer zerschmetterte...» // Praxis Geschichte. 2004. H. 4. S. 51–52.
⁷¹ См.: Ich werde es nie vergessen. Briefe sowjetischer Kriegsgefangener 2004–2006. Berlin, 2007.
⁷² http://www.hu-berlin.de/pr/nachrichten/nr1106/nr_110622_01
⁷³ Neues Deutschland. 2011. 22. Juni.
⁷⁴ Juni 1941 – Der tiefe Schnitt. Begleitbuch zur Ausstellung. Berlin, 2011.
⁷⁵ В 1992 г. Мусьял получил гражданство ФРГ.
⁷⁶ Musial B. Kampfplatz Deutschland. Stalins Kriegspläne gegen den Westen. Berlin, 2008.
⁷⁷ Müller R.-D. Op. cit. S. 8.
⁷⁸ <http://hsozkult.geschichte.hu-berlin.de/rezensionen/2009-2-04>
⁷⁹ Die Welt. 2011. 6. Juni.
⁸⁰ Frankfurter Rundschau. 2008. 8. April.
⁸¹ Das Parlament. 2008. 9–16. Juni.
⁸² Сообщения Совместной комиссии по изучению новейшей истории российско-германских отношений. Т. 1–4. Мюнхен, 2002–2010; Mitteilungen der Gemeinsamen Kommission für die Erforschung der jüngeren Geschichte der deutsch-russischen Beziehungen. Bd. 1–4. München, 2002–2010.

© 2012 г. А. В. КОРОЛЕНКОВ*

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРИЗИС 1938–1939 ГОДОВ: ТРИ НОВЫХ ИЗДАНИЯ

Международный кризис 1938–1939 гг. по-прежнему вызывает огромный интерес не только у исследователей, политиков, журналистов, но и у широкой публики: слишком серьезными оказались его последствия. Неудивительно, что 70-летие Мюнхенской конференции, а затем советско-германского пакта и начала Второй мировой войны вызвали новый всплеск дискуссий, в том числе и на страницах научных изданий. Обратимся к трем сборникам статей, увидевшим свет в 2009 г. и отражающим современный уровень рассмотрения предвоенных международных отношений как в России, так и за рубежом.

15–16 октября 2008 г. в Институте всеобщей истории РАН состоялась научная конференция «Мюнхенское соглашение 1938 года: история и современность». По ее итогам в 2009 г. под редакцией Н.С. Лебедевой и М. Волоса был выпущен сборник, в который вошло 27 статей ученых из России, Польши, Германии, Франции, Италии, Чехии, Словакии на русском и английском языках¹. Некоторые из них выдержаны в характерном для советской идеологии стиле. «СССР был единственной страной, – заявляет К.К. Провалов, – которая на всем протяжении кризиса последовательно выступала против расчленения и захвата Чехословакии». По его же формулировке, «для СССР стало окончательно ясно, что основной целью англо-французской политики является направление германской агрессии на Восток» (с. 45–48). Какие-либо доказательства этого расхожего тезиса отсутствуют. Правда, В.С. Христофоров в своей статье приводит показания немецкого генерала А. Герстенберга, военно-воздушного атташе в Вар-

* Короленьков Антон Викторович, кандидат исторических наук, научный редактор журнала «Новая и новейшая история».